

О.М. Фишман

**ПИСЬМЕННЫЙ НАРРАТИВ
ТВЕРСКИХ КАРЕЛ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.:
ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ**

Статья написана в рамках исследования, посвященного общим проблемам анализа письменного и устного нарративов, их источниковедческой значимости для углубленного изучения коллективной и индивидуальной памяти тверских карел и ее трансформации на протяжении XX в. В качестве источников привлекаются письменные нарративы, среди которых присутствуют краеведческие и исторические рукописи, тексты автобиографического, мемуарного и биографического характера, написанные тверскими краеведами, карелами по происхождению, преимущественно учителями и преподавателями истории, в 1950–1970-е годы.

Ключевые слова: тверские карелы, письменный и устный нарративы, краеведение, источниковедение.

Olga M. Fishman

**WRITTEN NARRATIVE
OF THE TVER KARELS
IN THE LATE XX CENTURY:
FOCLORIC AND ETHNOGRAPHIC MATERIALS**

The article is written within the research devoted to common problems of the analysis of a written and oral narrative, their source study importance for profound studying of collective and individual memory of the Tver Karelians and its transformations for the 20th century. As sources written narratives among which there are local history and historical manuscripts, texts of autobiographical, memoirs and biographic character written by the Tver local historians, Karelians by origin, mainly teachers and teachers of history in the 1950–1970th are considered.

Keywords: Tver Karelians, written and oral narrative, study of local lore, source study.

Статья продолжает исследование общих проблем анализа письменного и устного нарративов, их источниковедческой значимости для углубленного изучения коллективной и индивидуальной памяти тверских карел и ее трансформации на протяжении XX в. [Фишман 2010а, б; 2011а, б; 2012а, б, в; 2014]. Значительную долю привлекаемых письменных нарративов составляют краеведческие и исторические рукописи, тексты автобиографического, мемуарного и биографического характера, написанные в 1950–1970-е годы тверскими краеведами, карелами по происхождению, преимущественно учителями и преподавателями истории.

Приступая к изучению этих источников, я исходила из предположения об использовании карельскими краеведами в своих историко-краеведческих и биографических работах устных сведений, запечатленных индивидуальной и коллективной исторической памятью родственников и односельчан, наряду с личными воспоминаниями и подлинными историческими свидетельствами. Это первоначально гипотетическое предположение оправдалось в ходе исследования.

Свой социокультурный статус карельские краеведы осознавали в качестве историографов малой родины, хранителей памяти своего народа. Эта позиция постепенно формировалась в среде карельской городской и сельской интеллигенции и отражала иные, чем в деревенском социуме, системы индивидуальных ориентаций. В ходе изучения подтвердился и тот факт, что, в отличие от устных рассказов, записанных в полевых условиях, в письменном тексте очевиден фактор «припоминания», который не только актуализирует воспоминания, но и меняет облик и оценку прошлого. Присутствующая при этом ретроспекция событий «исходит <...> из знания того, что последовало потом». Кроме того стало очевидным и то, что персональная память авторов письменных нарративов, оснащенная гуманитарными знаниями, оказывается значительно шире коллективной деревенской. Прежде всего этот вывод подтверждают тексты об истории переселения карел в XVII в. Из этого следует, что интерпретационный потенциал подобных текстов может быть выше, чем у устных сведений, полученных при непосредственном «живом» общении. Однако последнее положение достойно специального изучения.

На примере различных типов письменных нарративов карельских краеведов Тверского края второй половины XX в., которые содержат записи календарных, семейных и окказиональных обрядов, обычаев, включая заговорные тексты, а также приметы и пословицы тверских карел, предпринято выявление базовых концептов персональной и коллективной этнической идентичности и исторической памяти. Осуществленный ранее анализ материалов об истории переселения, традиционно-бытовой и отчасти праздничной культуре, запечатленный в автобиографических текстах, однозначно свидетельствует, что все они являются изложением не только опыта и рефлексии конкретного человека — автора повествования, но и конкретной социальной (семья, род, община) и этнолокальной группы. В их текстах присутствует мифологизация прошлого, очевиден субъективный характер интерпретации истории, реальной социальной действительности и традиционной культуры.

Методика анализа строится исходя из существующих в настоящее время различных направлений биографических исследований [Семенова, Мещеркина 1993; Томпсон 1993; Воронков, Здравомыслова 1997; Голубович; Голофаст 1995; Голофаст; Девятко; Ткаченко; Цветаева], адаптированных для решения конкретных задач этнологического исследования. В статье приводятся тексты одного из самых известных и целенаправленно работавшего карельского краеведа Алексея Антоновича Белякова (1901–1995), который скрупулезно собирал и записывал различные исторические, этнографические, фольклорные и лингвистические сведения о тверских карелах. Все они хранятся в личных фондах Государственного архива Тверской области (далее — ГАТО), ряде других архивов России и Эстонии. Лишь малая их доля публиковалась ранее в провинциальных газетах. В 1980-е годы он предпринимал попытки издания своих материалов в научных журналах. Так, в журнал «Советская этнография» им была отправлена статья «Старинная свадьба верхово-волжских карел», в рецензии на которую К.В. Чистов предлагал ему написать воспоминания с указанием, от кого и где он получил эти сведения (о той же свадьбе), советовал обратиться за программой описания свадьбы к петрозаводскому этнографу и специалисту по семейной обрядности Ю.Ю. Сурхаско; спрашивал о родстве с лингвистом Александром Антоновичем Беляковым, которого

К.В. Чистов знал. В 1982 г. Белякову было отказано в издании книги «Верхневолжские карелы» в издательстве «Московский рабочий» из-за не соответствия «профилю издательства». Им был подготовлен сборник «Устное народное творчество верхневолжских карел», который также не был опубликован [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 221. Беляков]. Лишь в 2001 г. был напечатан обобщенный издателями очерк А.А. Белякова по истории и традиционной культуре карел [Беляков 2001].

В связи с появлением новых подходов к изучению такого рода свидетельств, они постепенно приобрели самостоятельный источниковедческий статус, в том числе и потому, что принадлежат перу представителей национальной элиты, сформировавшейся в советское время из крестьян и так называемых «выдвиженцев».

Изложение и анализ письменных нарративов о традиционной культуре карельского крестьянства начну с этнографических и фольклорных материалов А.А. Белякова. Кем же он был? Крестьянин по происхождению, филолог по образованию, краевед и бытописатель тверских карел по призванию, один из создателей карельской письменности и литературы в 1930-х годах, жертва сталинских репрессий, Беляков многие десятилетия преподавал в Калининском пединституте (1937–1941, 1946–1961 гг.), издавал многочисленные статьи и заметки в местной прессе. В целом, изучая его биографию (по значительным по объему мемуарным текстам), я пришла к убеждению, что судьбу А.А. Белякова можно рассматривать как «модельный вариант жизненного пути» человека советского общества 1920–1960-х годов¹.

Хранящийся в ГАТО архив А.А. Белякова за 1961–1989 гг. насчитывает более 1000 машинописных, реже рукописных листов. Основную группу документов составляют авторские очерки по истории и этнографии верхневолжских карел, материалы, собранные им по карельскому фольклору, выписки из архивных документов о верхневолжских карелах.

Иллюстрацией того, насколько важны были при воссоздании Беляковым истории и культуры карельских мигрантов не только

¹ Для подтверждения сказанное интересно сопоставить со свидетельствами тверских колхозников (см.: [Кознова 1998]).

историко-документальный, но и устный легендарный материал, лингвистические и топонимические данные, являются основанные на них авторские интерпретации и историко-генетические реконструкции. В числе примеров его упрощенных умозаключений присутствуют и такие: «Эстонское название западной Двины — Вайно, старое карельское название вьяйнё. В одной из рун так говорится: “При впадении реки Вьяине / Что-то на море чернеет” (Калевала. М., 1949. С. 189). Очевидно, что карельские племена жили и в устье реки Зап. Двины, и от названия реки Вьяйнё получил свое имя Вьяйнё (Вянемаяйн). <...> Коё в русском произношении Кои река и село в Кесовогорском районе. Изверг Коё режет груди у девушек и пьёт их кровь <...> (Карельские эпические песни. Л., 1950. С. 55, 75 и др.)» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 29. Л. 6].

В аспекте нашей темы безусловный интерес представляют две его объемные рукописи «Фольклор верхневолжских карел» (280 маш. стр.) и «Верхневолжские карелы: этнографический очерк. 1981 г.» (117 маш. стр.). Вот как выглядит оглавление последней: «Происхождение верхневолжских карел (в том числе «Откуда племена карельской языковой группы пришли в Верхневолжье [по археол. данным]»); Взаимные связи карел с другими народами; Финские и советские лингвисты о происхождении карел (в том числе «Влияние литво-латышей на карельские племена»; взаимные связи карел с др. племенами и народами; с предками др. лопарей; с германскими народами); Занятия верхневолжских карел; Карельская одежда и обувь; Карельская постройка; Питание карел; Старинная свадьба верхневолжских карел; Карельские обычаи» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 29].

Исключительно важный материал собран А.А. Беляковым в рукописи «Фольклор верхневолжских карел. Заговоры верхневолжских карел». Здесь позволю себе сразу же обозначить общее впечатление от этого внушительного компендиума сведений, который можно назвать энциклопедией карельской народной устной культуры. Это единственное в своем роде и самое полное собрание оригинальных текстов на карельском и русском языках, составившееся автором на протяжении многих лет. На основании этих текстов можно попытаться установить, насколько личные стереотипы и ценности Белякова укоренены в осмыслении описываемых им

народных праздников, обычаев, обрядов, знаний, насколько трансформировались основы его собственного крестьянского по происхождению мировосприятия под воздействием советской идеологии, какое место занимает в нем традиционная составляющая. Обращает на себя внимание то, как меняется язык изложения в фольклорно-этнографическом нарративе Белякова: он явно становится простонародным, с присущими русскому языку карельских крестьян ошибками (особенно явно прослеживается в его воспоминаниях о сельских праздниках: Ивановом и Егорьевом днях, Пасхе, осеннем празднике Кегри).

Открывают текст «Лечебные заговоры» (л. 1–32), некоторые из них сопровождаются рассказами об эзотерической практике, скорее всего полученными от его информантов. Второй раздел называется «Заплачки», в него включены 9 свадебных плачей — *иткузет* (л. 43–61). В третьем собраны сказки, а также несколько анекдотов о карелах (л. 62–145).

Для презентации уникальных данных, собранных Беляковым, выберу значительные по объему тексты карельских заговоров, неизвестные ранее и лишь отчасти перекликающиеся с опубликованными в 1920-е годы Марией Васильевной Михайловской и в 1980-е годы Пертти Виртаранта [Михайловская 1925; Virtaranta Helmi ja Pertti 1986]. Изложение начинается с известного, сугубо локального «На горе Вельегонской». Обращаю внимание: будучи последовательным сторонником использования кириллицы для создания карельской письменности, Беляков именно ее использовал для воссоздания устных текстов. Все переводы выполнены им самим, встречающаяся правка свидетельствует о постоянном стремлении их улучшить.

«Горала Вельеганскалла истуу и пухун раудазилла хамбахилла, раудазилла кунжилдöллä, валгиеишта шильмäйтä, мушиашта шильмäйтä, пахашта каччохуошта, пахашта дуумаишта, иккунаиштанäгийстä, лäби пиллон пиллистечинäйтä, пиегаишта тукаишта, мушиашта тукаишта, тютөнкассан лаишшеннаишта, пийличчи эй тундуйсь, шиймиччи эй кивистäйсь». Перевод А. Белякова: «На горе Вельегонской сидит и дует, с железными зубами, с железными когтями, от белоглазого, черноглазого, от плохого взгляда, от плохой думы, из окна смотрящего, через щель просмат-

ривающего, с пегого волоса, с черного волоса, от распускания девичьей косы, чтобы сверху не было заметно, а внутри не было больно» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 6].

Не менее архаичный, но абсолютно четкий образ сохранялся в «заговорах крови», точнее для остановки крови резаной/колотой раны. Это общий для карел и финнов Ильмойллине¹ (у финнов — Илмайллине, Ильмаринен), один из богов-демиургов, создатель воздушного пространства, кузнец, выковавший небесный свод, солнце, звезды и вечную мельницу изобилия и счастья Сампо. Приведем архивный текст и перевод: «*Ох, шие равда, равда, тийан мие миста ши; шуошта шуоветту, муашта кайветту. Оли шенаа илмоиллинне, таман кирвехен таго и тапуттели. Луви луккуон, лихан личчуан, верен шилбуан. Ей рувчча бурхайсь. Ей вери типпуйсь*» («Ох, ты, железо, железо, знаю я, откуда ты: из болот вытащено, из земли выкопано. Был кузнец илмойллине, этот топор выковал, проверил острый ли [испр. — постукивал]. Кость запру, мясо прижму. Кровь закрою. Да не бурлит ручей, не каплет кровь [испр. — не бурлил бы ручей, не капала кровь]») [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 10–11].

Близкий текст был записан в 1955 г. от тверской карелки Прасковьи Шаляпиной как фрагмент калевальской руны «Рождение железа»: «*Oi sie, rauulla raudane / Et toivon näidä päivie/Notkiesta siun nossetih / Seppä Ilmolline, Taagoja taivahalline / Lukkuon mie siun veren / Lukku kun vakka*» («Ой ты, жалкое железо / Этих дней ты ведь не ждало, / Как тебя из недр подняли / Из болота извлекали! / И кузнец, ты, Ильмоллине, / Вековечный ты кователь / Кровь останови мне в ране / И закрой ее в лукошке») [Virtaranta Helmi ja Pertti 1986].

Сопоставление этих двух текстов, как собственно и их наличие, свидетельствует об устойчивой сохранности образа древнего эпического героя, родоначальника культурного железа у тверских карел, в середине XX в. Однако трансформация, снижение мифологического статуса Ильмолине зафиксировано А.А. Беляковым

¹ Приведу одну из этимологических интерпретаций А.А. Белякова: «Имя героя Ильмоллинне произошло от названия озера Ильмень. Это озеро действительно было мировым. Из него можно было по водному пути попасть в Онежское и Ладожское озера» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 29. Л. 7].

в других заговорах, где он становится представителем низшего природного мира — «хозяином» озера. Цитирую: «Если человек заболел, они прежде всего искали, от какого природного явления исходит эта болезнь, где человек мог плохо выразиться в отношении природы (в лесу, в поле или другом месте) или только плохо подумал. После выяснения причин следовало у соответствующего хозяина просить прощения, чтобы он избавил от недомогания. Например, у хозяина озера: “Простите меня, грешного, Большие, малые и средние! Возможно, плохо посмотрел, Возможно, плохо подумал Или о вас плохо сказал. Хозяин озера Ильмолиине, Хозяйка озера, Простите меня, грешного, Возьмите мое недомогание, Верните мое здоровье”» [Беляков 2001: 70].

Мотивы извинения и прощения, появляющиеся в этом заговоре и обращенные к хозяевам-покровителям того или иного конкретного локуса, Беляков справедливо связывает с влиянием православия: «в <...> заговоре у озера Ильмень упоминается о греховности, это перенято у христиан, в то же время почитаются здесь же и хозяин озера, и его жена. Получается смесь христианского учения со старинными карельскими верованиями» [Там же: 71].

Иллюстрацией служат приведенные А. Беляковым многочисленные заговоры от различных болезней. В их числе — заговор от зубной боли «Хамбахан кивушта» с обращением к луне, редко встречающемуся образе в локальной карельской традиции, однако однозначно указывающему на «следы» архаичных космологических и этиологических представлений: «Кувдомане, кувдомане! Онго шилла поконниккуа? — он. Кивисетах –го нишлла поконникоилла хамбахат? — Эй кивиссеста. Поконниказхилла эй кивиссеста. Нин шй шелла хенгелла ристиканжалла ельгах кивитякках» («Луна, луна! Есть ли там покойники? Есть. Болят ли у тех покойников зубы? Не болят у покойника зубы, так и у правой [испр. — праведной] крещеной души не должны болеть») [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 11].

Композиция и содержание большинства карельских заговоров из собрания Белякова включают: 1) обращение к тому или иному хозяину, наставшему болезнь, или к духу болезни; 2) извинения перед ними и одновременно просьбу о помощи в излечении; 3) повеления болезни удалиться в какое-либо место или туда, откуда она пришла; 4) обращение к Господу Богу, Иисусу Христу и Богородице

и другим святым с просьбой о заступничестве [Фишман 2009]. В свое время еще Е.Н. Елеонская отметила то важное обстоятельство, что превращение мотива просьбы в мотив приказания происходило под воздействием на тексты заговоров молитвенных текстов [Елеонская 1994: 125]. Это типично и для карельских, и для русских заговоров. Подтверждением тому являются тексты, приведенные Беляковым. Он пишет: «От каждой болезни у карел были соответствующие заговоры. Некоторые были созданы уже после принятия христианства, и, конкурируя с православными священниками, карельские знахари призывали в своих заговорах на помощь Богородицу, ангелов, святых угодников» [Беляков 2001: 70].

Этот тезис подкреплен различными примерами. В их числе — заговор «От родимчика (родимца)». Привожу его в переводе Белякова: «[Дует (надо полагать, знахарь/знахарка. — О.Ф.) на соль и говорит]: Буду дуть и спасать этого человека от двенадцати братьев-родимчиков, освободить и спасти. Освобожду и спасу от безымянного и объедающего от того, кто несет головокружение и трясучку и кто приносит кашель, от дурного глаза и от того, кто сводит ноги или руки, освобожду и ошищу, 300 апостолов позову, чтобы подули, 300 мучеников и 40 святых мучеников, Петра и Павла, Михаила Архангела, Архангела Гавриила, Изосима и Саввatea, Лазаря и Мефодия, Илью-пророка, Нила преподобного, Скорбящую Богородицу, выручай от этой болезни, Казанскую Богородицу, Троицкую Богородицу, Знаменскую пресвятую Богородицу, Покровскую Богородицу, Сретенскую Богородицу, Рождественскую Богородицу, очистите все святые» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 21–22].

Устойчивое сочетание молитвы и старой заговорной традиции, в которой присутствует и обращение к духу той или болезни, сверхъестественным силам (огонь, воздух, вода), старшим, средним и младшим хозяевам, отмеченное в текстах Белякова, существует у тверских карел до сих пор. Отчасти это объясняется и традицией записывания/переписывания текстов, особенно сохраняемых и передаваемых в семьях *знающих*. Вот один из них, записанный автором статьи в 1987 г.: «Сумела тебя мать родная родить, помоги мне, царица небесная, все недуги угомонить: осуд, недуг, доспешку, притонный недуг, у раба Божьего (имя), уйму и угомоню и на место становлю, в голове, в мозгах, внутри в костях, в животе, в кишках,

в руках, в ногах, в ушах уйму и угомоно и на место восстановлю во веки веков. Аминь”. Прочитать 3 раза, в конце плюнуть через левое плечо 3 раза и сказать: “Откуда пришло — туда и уходи”. Это когда человек плохо себя чувствует или сглазит» [ПМА. Спировский р-н. 1987 г. Тет. 1. Л. 15 об.].

Повседневная актуальность знахарского знания, с которой столкнулся А.А. Беляков в ходе своих бесед со *знающими* (он нигде не упоминает их имен и даже мест записи, хотя можно предположить, что это окрестности его родной деревни Яблонька в совр. Лихославльском районе Тверской области), позволила ему обратить внимание на существование традиционных представлений, архаичных образов, понятий и категорий локальной магической культуры, которые были не только сохранены им в письменном нарративе, но и, надо думать, усилили его внутренние позиции и взгляды на родную культуру, как, впрочем, и на собственную миссию. Она просматривается во всех его текстах. Это не только борьба с фальсификацией истории тверских карел и негативным восприятием их местным русским населением, но и преодоление чувства уязвленного этнического = народного достоинства, потребность в осуществлении и демонстрации связей с родным народом, уважения к его уникальному и неповторимому историко-культурному опыту и передача такого отношения в воспитательных целях молодежи.

Даже будучи сугубым атеистом, Беляков не позволяет себе чересчур критических комментариев относительно этих знаний и практики заговаривания. Он выступает в своем тексте как констатирующий нарратор. Продемонстрирую сказанное. В том случае, как подчеркивает Беляков, если просьба в виде заговора или личной молитвы не помогала, то «обращались к знахарям и ворожеям. Например, если болезнь от ветра, знахарь сильно топил баню, брал туда петуха, а больному предлагал подняться на полок. Поддавали много пару, на полок поднимался и знахарь с петухом и начинал сперва парить петуха, потом больного. Под конец знахарь выбегал из бани и бегал вокруг нее три раза (хотя если больной простужен, то жаркая баня помогла бы ему и без петуха)» [Беляков 2001: 70].

В архаичных заговорах тверских карел из собрания Белякова наряду с духами — покровителями тех или иных стихий, мест зачастую присутствуют апокрифические образы Бога, Иисуса Христа

как *Земного отца* — *муаллине туаттоне*, Спасителя-кормильца — *Шундуруохтина Шуоттила*, Богородицы как *Небесной матери* — *тайвахаллине муамоне*, Девы Марии — *Марю тўттө*, святого Георгия — *Юрги* — хозяина леса, *пўхя Мийккула* — *мерен кунинги* / св. Николая — короля моря. Так, при лечении «от удара» следовало произнести следующий текст: «*Тайвахаллине муамоне* / Небесная мать; *Муахине* [испр. — *муаллине*] *туаттоне* / Земной отец; *тувлихине дувху* [испр. — *туулихине дууху*] / дух ветровой» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 8]. Перед началом жатвы, как пишет Беляков, надо было молиться: «*Молитва эннен лейк[к]авуо. Хосподи боже, хўвя Марю, туле шейч[ч]еменке чикокошенке армахикси абузики*» («Господи Боже, святая Мария, приди вместе с семьей сестрами в качестве любимых помощников») [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 20]. В коллекции заговоров представлены и пастушеские. А.А. Беляков приводит текст, читаемый во время первого выгона скота: «*Енжимен аюасся жийваттуа: “Пўхя Йурги мечан изяндя, Мийккула мерен кунинги. Пане шиехьят хукалла, Пуутайче яллат кондыела, Мейля пайменет оллах пахат, Виеля пахеммат папит”*» (в переводе Белякова: «Святой Георгий, хозяин леса, Николай — король моря, Наденьте вы узду на волка, Спутайте ноги у медведя, У нас пастухи плохие, А попы еще хуже») [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 33].

Многие из заговорных текстов сопровождаются рассказами, возможно, и личными знаниями и воспоминаниями о карельской эзотерической традиции (но, скорее всего, как уже упоминалось, последние были получены от его информантов). Например, приводя текст заговора «от вывиха/надрыва»: «Ехал Иисус по дороге, Дева Мария по земле. Рябчик спорхнул, Земля задрожала, Лошадь Иисуса испугалась, Иисус сошел с лошади на землю, Сел на камень, Сухожилия правит, Члены [испр. — суставы] соединяет, Кости на место ставит», Беляков указывает в скобках, что необходимо «вспомнить девять женщин, которые родили двойни» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 29–30].

Вслед за текстом заговора «на поднятие девичьей славы» описывается и характерный для карел обряд — *лемминшуанда*: «Нужно взять кусочек от веревки церковного колокола и сказать: “Как тот церковный звон слышится во все стороны, так и я стала бы известной во все стороны, как тот церковный звон звенит, так и мое имя /

имя рек/ был бы в почете, стало известным и пользовался славой”» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 21–23].

Помимо 90 заговоров, А.А. Беляков записал выделенные им в отдельный раздел приметы: «О временах года и погоде», «Приметы для молодух и женщин и о детях», «Разные приметы» и «Пословицы». Последний раздел снабжен традиционным подзаголовком «Житейская мудрость», в нем особо выделены тематические блоки: «Родина — чужбина», «Сообща и один», «Скупость. Расточительство, дети», «Обычай дома, кушания», «Господа и начальники и бедные и богатые», «Труд, мастерство».

Приведу примеры из текста: «В воскресенье нельзя рано есть, а то муж будет рябой. С толкушки нельзя есть, а то будешь обо всем толковать. С мутовки нельзя есть, а то будешь что попало болтать. Кто оставляет печку открытой [устье], то когда помрет, так рот останется открытым».

«Иккунашта эй вой куануа ветта и нимида (ä), а то родителёйлла пиах (испр. пийäх) валат» («С окна нельзя выливать воду, а то обольешь на голову родителям»); «Когда в постные щи из зеленой капусты либо в гороховый суп будут крошить хлеб, то нужно всем крошить: когда умрешь, то не нужно будет никого тащить на спине через огненную реку» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 154].

Желание найти в фольклорных и лингвистических материалах подтверждение своей идеи о сохранении у тверских карел памяти о древних контактах со славянскими племенами нашло отражение в его версии перевода поговорки «Вендо виераш» — «Чужой, как венд». Правильное написание и перевод даны в уже цитировавшемся выше «Словаре карельского языка»: *vendovieraš* — ‘совсем чужой’ [Словарь 1994: 330]. Судя по многочисленным правкам карельских текстов А.А. Белякова, скорее всего, выполненным автором «Словаря карельского языка (тверские говоры)» известным филологом, тверской карелкой А.В. Пунжиной, он через дословный перевод пытался выявить этимологию того или иного слова или понятия. Иногда это происходило вопреки бытующему в языке смыслополаганию.

Однако народная мудрость, сосредоточенная в знаниях об окружающем мире, нормах и правилах бытия крестьянского социума, вызывает у Белякова глубочайшее уважение. Именно это дает осно-

вание утверждать, что его нарратив — это послание потомкам — прежде всего обнажает изначальную этносоциальную природу Алексея Антоновича, усиленную образованием, выстраданную личной судьбой.

Глубокая, не пафосная, а истинная любовь к своему народу, тверской земле отчетливо засвидетельствована А.А. Беляковым в записях многочисленных пословиц, поговорок, примет на тему «Родина — чужбина». Часть из них записана на карельском языке и переведена на русский, другая приведена только на русском языке: «На солнышке хорошо, а на родине лучше. На чужой земле и своему врагу обрадуешься. Чужая земля — холодная земля. Хвали чужбину для других. Будет и чужой своим, а свой чужим» [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 158–159].

Тему «Труд, мастерство» Беляков завершает довольно большой подборкой поговорок «колхозного времени», заимствованных из советской прессы: «Тот комбайнер уважаем, который дорожит урожаем. На колхозном поле тракторист, в Советской армии — танкист» и т.п. [ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 223].

В целом основной рефрен этнографических и фольклорных очерков Белякова заключается в следующей фразе: «*Раньше, когда повивальная бабка принимала ребенка, то пуповину клала в ладоть и хоронила в подполье со словами: “Где находится твоя пуповина, там должно быть и твое сердце”. И сердце карела всегда находилось около родного дома. Теперь забыт старый обычай, детей приносят с больницы, а поэтому когда они стали взрослыми, то разбежались по всему Советскому Союзу*» [Беляков 2001: 69].

Сопоставление письменных нарративов А.А. Белякова с устными рассказами, записанными в полевых условиях, обнаруживает общие для их авторов этнопсихологические и социальные концепты поколения первой трети XX в. Даже первичный анализ его воспоминаний и краеведческих работ, написанных в течение 30 лет, не обнаруживает смены хронотопа. Скорее всего потому, что самое главное событие его жизни — своего рода «переходный обряд» — произошло в юности, когда из крестьянского микромира он перешагнул в большой мир образования, новой социально-политической реальности, сделав головокружительную и немислимую до революции для карельского деревенского парня карьеру. Став

одним из лидеров национального движения, Беляков не просто подтвердил свою этническую идентичность, но и усилил ее гуманитарными знаниями, при почти полной смене социальной идентичности. В комментариях А.А. Белякова к фольклорным материалам очевидны его универсальная крестьянская составляющая и яркий индивидуальный характер его этносоциальной идентичности. Письменный нарратив Белякова свидетельствует об осознании им важной этносоциальной функции устных знаний тверских карел — необходимости их сохранения и передачи, что он с успехом выполнил в своих трудах, которые отчасти были представлены в настоящей статье. Кроме того, письменные свидетельства Белякова следует рассматривать не только как его личный нарратив, он органично вписан в нарратив карел, их традиционную культуру, что позволяет выявить этнические и социокультурные детерминанты идентичности автора, а также его персональной истории. Подобный подход дает дополнительное основание для определения автора этих текстов не только как историографа родного края, но и в значительной степени как его нарратора.

Источники

- ГАТО (Государственный архив Тверской области). Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 29.
ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30.
ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 221. Беляков.
ПМА (Полевые материалы автора). Спировский р-н. 1987 г. Тетрадь 1.

Библиография

Беляков А. История и быт карельского населения // Тверская деревня: энцикл. Т. 1: Лихославльский район. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. С. 39–79.

Воронков В., Здравомыслова Е. (ред.) Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб.: ЦНСИ, 1997. (Труды ЦНСИ, вып. 5). 223 с.

Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // На перепутьях истории и культуры. Труды СПбФ ИС РАН. СПб., 1995. С. 82–111.

Голофаст В.Б. Новые ветры в социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_New_winds.htm.

Голубович И.В. Язык «историй жизни» и ренессанс биографического метода [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=60443>.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Биографический метод. Определение и истоки биографического метода в социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://society.polbu.ru/devyatko_socresearch/ch08_i.html.

Леонская Е.Н. К изучению заговора и колдовства в России // Сказка, заговор и колдовство в России: сб. тр. / Сост., вст. ст. Л.Н. Виноградовой. М.: Индрик, 1994. С. 99–143.

Кознова И.Е. Аграрная модернизация в России и социальная память крестьян // Реформаторские идеи в социальном развитии России / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: ИФ РАН, 1998. С. 222–243.

Михайловская М.В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1925. Т. V, вып. 2. С. 611–630.

Семенова В.В., Мещеркина Е.Ю. (ред.). Биографический метод в социологии: история, методология, практика. М.: ИС РАН, 1993. 147 с.

Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Ткаченко Т.Г. Биографический метод в гендерных исследованиях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sstu-socwork.narod.ru/files/gend_sb_www/chapter_1/tkachenko.htm.

Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 129–138.

Фишман О.М. Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманит. исследования: сб. ст., посвящ. памяти Ю.Ю. Сурхаско. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 2009. Вып. 2. С. 135–172.

Фишман О.М. История малой родины в устных и письменных рассказах тверских карел // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2010а. С. 298–306.

Фишман О.М. Локальная история в нарративах тверских карел второй половины XX в. // Источники и методы изучения малых групп в этнографии: сб. ст. к 60-летию В.А. Козьмина. СПб., 2010б. С. 13–29. (Историческая этнография; вып. 4).

Фишман О.М. Kегri päivä в устных и письменных биографиях тверских карел // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова: сб. ст. / Отв. ред. А.К. Байбурин, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011а. С. 93–102.

Фишман О.М. Карельские праздники в автобиографическом тексте (по воспоминаниям 1980-х гг.) // Праздники и обряды как феномены этнической культуры: материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографи-

ческих чтений / Отв. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. СПб., 2011б. С. 101–106.

Фишман О.М. Образ малой родины в устных и письменных рассказах тверских карелов // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е.Б. Смилянкой. М.: Индрик, 2012а. С. 363–434.

Фишман О.М. «Сама от себя — чего знаю, чего помню»: тетради с повествованиями тверской карелки Анастасии Федоровны Любимовой // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е.Б. Смилянкой. М.: Индрик, 2012б. С. 435–463.

Фишман О.М. Письменные нарративы краеведов как источник для изучения этнической идентичности (на материалах тверских карелов) // Музей. Традиция. Этничность. СПб., 2012в. № 1. С. 57–74.

Фишман О.М. Этническая идентичность в устном и письменном нарративе карел-мигрантов // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. школы молодых фольклористов. СПб., 2014. С. 62–84.

Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj99-tsvet.html>.

Virtaranta Helmi ja Pertti. Kauas läksit karjalainen. Porvo; Helsinki; Juva, 1986. 320 p.

References

Beliakov A. Istoriiia i byt karel'skogo naseleniia. Tverskaia derevnia: entsiklopediia. Vol. 1: Likhoslavl'skii raion. Tver': Izd-vo Tver. gos. un-ta, 2001. Pp. 39–79.

Voronkov V., Zdravomyslova E. (eds.). Biograficheskii metod v izuchenii post-sotsialisticheskikh obshchestv. St.-Petersburg: TsNSI, 1997. (Trudy TsNSI, V. 5).

Golofast V.B. Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovani. Na pereput'iaikh istorii i kul'tury. Trudy SPbF IS RAN. St.-Petersburg, 1995. Pp. 82–111.

Golofast V.B. Novye vetry v sotsiologii [Elektronnyi resurs]. URL: pseudology.org/Golofast/Golofast_New_winds.htm.

Golubovich I.V. Iazyk “istorii zhizni” i renessans biograficheskogo metoda [Elektronnyi resurs]. url: [childcult.rshu.ru/ article.html?id=60443](http://childcult.rshu.ru/article.html?id=60443).

Deviatko I.F. Metody sotsiologicheskogo issledovaniia: Uchebnoe posobie. 2-e izd. Moscow: Knizhnyi dom “Universitet”, 2002.

Eleonskaia E.N. K izucheniiu zagovora i koldovstva v Rossii. Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii: sb. tr. Ed. L.N. Vinogradova. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 99–143.

Koznova I.E. Agrarnaia modernizatsiia v Rossii i sotsial'naia pamiat' krest'ian. Reformatorskie idei v sotsial'nom razvitii Rossii. Ed. S.A. Nikol'skii. Moscow: IF RAN, 1998. Pp. 222–243.

Mikhailovskaia M.V. Karel'skie zagovory, primety i zaplachki. Sbornik Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo. L., 1925. Vol. V, no. 2. Pp. 611–630.

Semenova V.V., Meshcherkina E.Iu. (eds.). Biograficheskii metod v sotsiologii: istoriia, metodologiia, praktika. Moscow: IS RAN, 1993.

Punzhina A.V. (ed.). Slovar' karel'skogo iazyka (tverskie govory). Petrozavodsk: Kareliia, 1994. 396 p.

Tkachenko T.G. Biograficheskii metod v gendernykh issledovaniakh [Elektronnyi resurs]. URL: http://sstu-socwork.narod.ru/fi_les/gend_sb_www/chapter_1/tkachenko.htm.

Tompson P. Istoriia zhizni i analiz sotsial'nykh izmenenii. Voprosy sotsiologii. 1993. no. 1–2. Pp. 129–138.

Fishman O.M. Znaiushchaia — bol'naia: iz opyta polevoi avtobiografii. Problemy dukhovnoi kul'tury narodov Evropeiskogo Severa i Sibiri. Gumanitarnie issledovaniia: sb. st., posviashch. pamiati Iu.Iu. Surkhasko. Petrozavodsk: Kar. nauch. tsentr RAN, 2009. V. 2. Pp. 135–172.

Fishman O.M. Istoriia maloi rodiny v ustnykh i pis'mennykh rasskazakh tverskikh karel. “Kalevala” v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Petrozavodsk, 2010a. Pp. 298–306.

Fishman O.M. Lokal'naia istoriia v narrativakh tverskikh karel vtoroi poloviny XX v. Istochniki i metody izucheniia malykh grupp v etnografii: sb. st. k 60-letiiu V.A. Koz'mina. St.-Petersburg, 2010b. Pp. 13–29. (Istoricheskaia etnografiia; Vol. 4).

Fishman O.M. Kegri päivä v ustnykh i pis'mennykh biografiakh tverskikh karel. Fol'klor i etnografiia: K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K.V. Chistova: sb. st. Otv. red. A.K. Baiburin, T.B. Shchepanskaia. St.-Petersburg: MAE RAN, 2011a. Pp. 93–102.

Fishman O.M. Karel'skie prazdniki v avtobiograficheskom tekste (po vospominaniiam 1980-kh gg.). Prazdniki i obriady kak fenomeny etnicheskoi kul'tury: materialy Desiatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii. Otv. red. V.M. Grusman, E.E. Gerasimenko. St.-Petersburg, 201b. Pp. 101–106.

Fishman O.M. Obraz maloi rodiny v ustnykh i pis'mennykh rasskazakh tverskikh karelov. O svoei zemle, svoei vere, nastoiashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniiu biograficheskogo i religioznogo narrativa) / Pod red. E.B. Smilianskoi. Moscow: Indrik, 2012a. Pp. 363–434.

Fishman O.M. “Sama ot sebia — chego znaiu, chego pomniu”: tetradi s povestvovaniiami tverskoi kareлки Anastasii Fedorovny Liubimovoi. O svoei

zemle, svoei vere, nastoiashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniuu biograficheskogo i religioznogo narrativa). Pod red. E.B. Smilianskoi. Moscow: Indrik, 2012b. Pp. 435–463.

Fishman O.M. Pis'mennye narrativy kraevedov kak istochnik dlia izucheniia etnicheskoi identichnosti (na materialakh tverskikh karelov). Muzei. Traditsiia. Etnichnost'. St.-Petersburg, 2012v. no. 1. Pp. 57–74.

Fishman O.M. Etnicheskaiia identichnost' v ustnom i pis'mennom narrative karel-migrantov. Fol'klor i etnokul'turnaia identichnost': materialy IV Mezhdunar. shkoly molodykh fol'kloristov. St.-Petersburg, 2014. Pp. 62–84.

Tsvetaeva N.N. Biograficheskii diskurs sovetskoii epokhi [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj99-tsvet.html>. Virtaranta Helmi ja Pertti. Kauas läksit karjalainen. Porvo; Helsinki; Juva, 1986.

Virtaranta Helmi ja Pertti. Kauas laksit karjalainen. Porvo; Helsinki; Juva, 1986. 320 p.